

УДК 914

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ “ГОСУДАРСТВ ДЕ-ФАКТО”: ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА И ВИДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

© 2022 г. А. Б. Себенцов^{а, *}, М. С. Карпенко^а, А. А. Гриценко^а, Н. Л. Туров^а

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: asebentsov@igras.ru

Поступила в редакцию 06.12.2021 г.

После доработки 16.02.2022 г.

Принята к публикации 22.04.2022 г.

Значение экономических факторов в появлении и развитии “государств де-факто” остается недостаточно изученным и дискуссионным. В статье рассматривается случай Южной Осетии, одной из шести непризнанных республик, возникших на постсоветском пространстве. На основе изучения статистических данных, вторичных источников и экспертных интервью с представителями местной власти, бизнеса и академического сообщества авторы анализируют структурные сдвиги и состояние экономики Южной Осетии, взгляды на перспективы развития в контексте государственного строительства. Показано, что в результате масштабной помощи со стороны России сформировалась структурно слабая гиперсервисная экономика, ключевые отрасли которой зависят от государственного спроса и российских инвестиций. Ограниченная экономическая самодостаточность, трансграничное расселение осетин и грузин, а также многочисленные родственные связи способствуют возникновению разнообразных трансграничных практик (челночной торговли, контрабанды, своеобразных систем расчетов), снижающих социальную напряженность. Случай Южной Осетии подтверждает, что непризнанный статус не является сам по себе препятствием для развития экономики, однако недостаток внешней легитимности ограничивает доступ к рынкам, создает трудности для финансовых и торговых транзакций. Евразийская интеграция стала скорее источником проблем для этой республики, создав труднопреодолимые для местного бизнеса препятствия в торговле с Россией — единственной страной ЕАЭС, признающей Республику Южная Осетия качестве суверенного государства. В результате экономические проблемы служат наравне с вопросами безопасности ключевым аргументом для поддержки в Южной Осетии идеи присоединения республики к России.

Ключевые слова: государства де-факто, Южная Осетия, непризнанные государства, сепаратизм, сецессия, государственное строительство, экономическое развитие

DOI: 10.31857/S2587556622040094

ВВЕДЕНИЕ

События последних десятилетий высветили остроту кризиса государственности во многих регионах мира и связанный с ним процесс фрагментации политического пространства. Конкретным его проявлением стал рост числа суверенных государств. Если в 1990 г. полноправное членство в ООН имело 159 стран, то к началу текущего десятилетия их стало 193. В то же время наряду с признанными суверенными государствами сформировалось большое число политий, не имеющих международного признания, но устойчиво контролирующими собственную территорию (Попов, 2015). На одном полюсе этой разнородной группы — не менее 40 политий с чрезвычайно подвижными границами, которые обычно относят к категории неконтролируемых территорий (Колосов и др.,

2021; Себенцов, Колосов, 2012), на другом — 13 “государств де-факто”, обладающих большинством признаков суверенного государства за исключением широкого международного признания (Заяц, 2020). На постсоветском пространстве таких образований шесть, два из которых — Абхазия и Южная Осетия — относятся к категории частично признанных государств.

Рост внимания исследователей к неконтролируемым территориям вообще и “государствам де-факто” в частности связан, во-первых, в связи с ростом сецессионистских движений и территориальными конфликтами в разных частях мира, актуализировавшими задачу выяснения причин противоречий, несущих угрозу целостности национальных государств, поиска возможностей и средств их преодоления (Lamb, 2008; Rabasa et al.,

2007). Во-вторых, интерес вызывает соперничество мировых политических акторов, вовлеченных в процесс урегулирования конфликтов, которые привели к образованию новых политий. Постсоветские непризнанные и частично признанные государства, например, часто рассматриваются в контексте геополитического противостояния и столкновения интересов России и Запада. Ряд исследователей (Kurchan, 2005; Lynch, 2002; Umland, 2014) подчеркивает решающую роль России в обеспечении безопасности непризнанных республик и сохранения ими политического статуса-кво¹.

В-третьих, наблюдается общий поворот исследователей к изучению внутренних факторов консолидации “государств де-факто” и процессам (псевдо)государственного строительства (Ильин и др., 2010). Все более детально анализировались политические системы и институты непризнанных государств, их социально-экономическое положение, развитие отдельных отраслей экономики (Голунов, Зотова, 2021), общественное мнение и процессы формирования гражданской идентичности (O’Loughlin and Kolosov, 2017). Широкое распространение получили сравнительные исследования (Заяц, 2020; Маркедонов, 2018; Broers et al., 2015; Popescu et al., 2006).

Республика Южная Осетия (РЮО) также не раз становилась объектом изучения. Например, П. Колсто и Х. Блаккисруд, сравнивая становление государственности РЮО, Абхазии и Нагорного Карабаха в условиях военного конфликта (Kolsto and Blakkisrud, 2008) и постконфликтный период (Blakkisrud and Kolsto, 2012), отмечают, что РЮО страдает от недостатка экономических ресурсов для создания полноценных государственных институтов и потому обречена постоянно следовать вектору российской политики. Б. Баарова (Baarová, 2019) также подчеркивает особую роль России в решении социально-экономических проблем республики, что дает ей основание говорить о “странной независимости”, оплачиваемой преимущественно российскими деньгами. Т. Хох пишет о “загадочной реальности”, при которой юго-осетинское общество, с одной стороны, “желает независимости, а с другой — постоянно стремится присоединиться к России” (Hoch, 2020, p. 68). Автор считает главными аргументами для вхождения в состав России проблемы безопасности республики и идею воссоединения разделенной нации. Репрезентативные опросы, проведенные группой российских и американских географов в РЮО в ноябре 2010 г. показали, что 81% юго-осетинского населения желает войти в состав России (O’Loughlin et al., 2014).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на основе современных теоретических представ-

лений об эволюции государственности непризнанных и частично признанных государств, разработанных Н. Касперсен, проанализировать роль экономики в становлении государственности РЮО.

Задачи работы включают в себя:

— периодизацию коэволюции государственности и экономики РЮО в соответствии с теоретической схемой Н. Касперсен;

— оценку современных особенностей и проблем развития экономики РЮО, особенно в период пандемии COVID-19;

— анализ связи между представлениями о возможных путях экономического развития в политических кругах, медиапространстве, экспертном сообществе и перспективами реального суверенитета РЮО.

В первой части статьи мы кратко дадим характеристику теоретическим подходам, применяемым при исследовании эволюции государственности непризнанных и частично признанных государств, а также собранным данным и методам, используемыми в данной работе. Затем охарактеризуем эволюцию экономики на разных стадиях государственного развития Южной Осетии. В последней части обратим особое внимание на то, какими видятся проблемы и возможности экономического развития в экспертном и общественно-политическом дискурсе. Все это позволит не только оценить современное состояние экономики Южной Осетии, но и подойти к ответу на вопрос, какую роль играет экономика в понимании юго-осетинским обществом перспектив собственной государственности.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство современных исследований связывает эволюцию непризнанных государств (НГ) с развитием внутреннего и внешнего суверенитета, а значит и становлением государственной состоятельности. Так, Н. Касперсен отмечала, что ключевую роль для успешного государственного строительства играют внутренний суверенитет и связанные с ним “внутренние ресурсы для государственного строительства”, без которых международное признание имеет символические результаты (Caspersen, 2012). Внешний суверенитет открывает доступ к системе международных связей и источникам внешней поддержки. Похожего мнения придерживался Д. Линч (Lynch, 2002), полагавший, что непризнанному государству критически важно обеспечить в первую очередь “сущность государственной состоятельности”. Н. Касперсен², характеризуя процесс достижения государственной

¹ Детальный критический анализ подобных работ предлагают (Broers, 2013; Pegg, 2017; Yemelianova, 2015; и др.).

² В своей работе Н. Касперсен ссылается на статью П. Колсто и Х. Блаккисруда, которые выделяли похожие фазы на примере Приднестровской Молдавской Республики.

состоятельности, предположила, что его можно разделить на несколько часто накладывающихся друг на друга фаз (Caspersen, 2012).

Первая фаза связана с установлением силового контроля над территорией непризнанного государства. Он составляет фундаментальную основу государственного строительства, без которой весь проект государственности оказывается под угрозой. Другая важная задача этого периода — установить контроль над собственными границами. Естественный приоритет имеет вопрос обеспечения военной безопасности.

Вторая фаза связана с утверждением монополии на “законное” насилие. В начале этого этапа обычно происходит интеграция нерегулярных военизированных групп, бросающих вызов гражданскому правительству, в состав регулярных вооруженных сил. От успешности этого процесса во многом зависит будущее государственного строительства, поскольку чаще всего личные интересы авторитетных полевых командиров идут вразрез с задачей построения эффективных государственных институтов. Другая важнейшая задача этого периода — формирование органов власти, административных структур, институтов и процедур воспроизводства и распределения общественных благ.

Активное послевоенное восстановление обычно завершает вторую и открывает *третью фазу* развития, в рамках которой вопросы внутренней легитимности становятся все более важными. Главной задачей правительства становится расширение спектра оказываемых государственных услуг. Решаются вопросы обустройства коммунальной инфраструктуры, развиваются системы здравоохранения, образования и культуры, которым отводится особая роль в создании и поддержании общей идентичности.

Согласно Н. Касперсен, важнейший мотив постепенной эволюции и перехода НГ из одной фазы в другую — вопрос безопасности. Невозможность обеспечить безопасность населения НГ в рамках материнского государства часто называют исходной точкой конфликта и главным оправданием необходимости сепарации. В дальнейшем же постоянство внешней угрозы, само состояние “непризнанности” также порождают потребность в сильных институтах, подталкивая НГ к фактической государственности и навязывая им интерес к институциональному строительству (Caspersen, 2012). Внешнее давление со стороны региональных и мировых держав, а также поддержка государств-патронов диктуют непризнанным государствам определенные стандарты “внешней легитимности”, что позволяет гражданским лидерам побеждать полевых командиров, выстраивая государственные структуры и устанавливая контроль над экономическими ресурсами. Однако внешнее давление в условиях слабости внутренних инсти-

тутов государства граничит порой с вмешательством во внутренние дела и также может быть рассмотрено в качестве угрозы безопасности.

Мы предполагаем, что вопрос экономической состоятельности играет здесь центральную роль. С одной стороны, государства-патроны выступают ключевыми драйверами экономики НГ, становясь посредниками в их международных транзакциях (финансовых переводах, торговле товарами и услугах), обеспечивая доступ к собственным рынкам (труда, товаров, услуг и капитала), оказывая прямую экономическую помощь. Эта зависимость тем больше, чем более изолированным оказывается НГ. С другой стороны, высокое участие государства-патрона в экономике НГ порождает экономическую и политическую зависимость, которая болезненно воспринимается элитами и населением, создает кризис “суверенности”, способствует развитию ирредентистских настроений.

Это дает основания полагать, что развитие НГ и его экономики во многом может быть охарактеризовано и понято через призму теории секьюритизации, которая интерпретирует безопасность не как объективное состояние дел, а как политическую практику, отраженную в дискурсе (Buzan et al., 1998). Этот дискурс направлен на изменение приоритетов общественного развития и перевод политики из процедурной плоскости в чрезвычайную. Секьюритизация как крайняя форма политизации постулирует наличие экзистенциальной угрозы некоторому объекту, имеющему ценность в глазах аудитории. Одновременно предлагаются чрезвычайные и срочные меры по устранению угрозы, требующие отступления или отказа от сложившихся процедур и институтов. Таким образом, все, что ставит под сомнение внутренний и внешний суверенитет, а также жизнеспособность НГ, воспринимается в качестве “экзистенциальной угрозы” и подвергается секьюритизации (Kolsto and Blakkisrud, 2010). В результате секьюритизации появляются новые (псевдо)государственные институты и нормы, корректируются старые процедуры, и при благоприятном развитии событий наблюдается рост государственной состоятельности.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на три основные группы источников информации.

Основу первой группы источников составили данные официальной статистики и ведомственные данные, которые использовались для характеристики современного и исторического социально-экономического положения РЮО. Большая часть статистических данных, использованных авторами, доступна в виде отдельных таблиц и сбор-

ников на сайте Управления государственной статистики Республики Южная Осетия³, небольшая часть материалов (касающихся отдельных предприятий, бюджета, внешней торговли) была получена с помощью официального запроса, а также в ходе экспедиции в РЮО в октябре 2020 г. Для сравнения социально-экономического положения РЮО с ее соседями использовались материалы Росстата, Национальной статистической службы Грузии и Всемирного банка.

Вторая группа данных представляла собой материалы Государственного информационного агентства “РЕС”, размещаемые в открытом доступе в Интернете. “РЕС” — наиболее крупное СМИ РЮО, которое публикует официальные сообщения органов государственной власти республики, наиболее важные статьи из других республиканских СМИ и производит собственный контент. Для анализа были взяты 2010 г. (рубеж второй и третьей фазы государственного строительства) и 2019 г. (третья фаза). Первоначально было отобрано 9010 сообщений — 3240 за 2010 г. и 5770 за 2019 г., однако ввиду многочисленных повторов для дальнейшего анализа было взято 2028 и 2545 сообщений соответственно. Эти материалы были использованы для дискурс-анализа, цель которого состояла в изучении доминирующих в медиапространстве и политических кругах представлений о современном состоянии и перспективах развития экономики РЮО и собственной государственной состоятельности (stateness). Дополнительным источником информации стала “Стратегия социально-экономического развития РЮО до 2030 г.” (далее — Стратегия)⁴. Она позволила прояснить ряд дискуссий, которые велись в ходе ее разработки в 2010 г. и дебатов о ее возможной ревизии в 2019 г.

Третью группу источников составили 26 структурированных интервью, проведенных в РЮО авторами статьи в октябре 2020 г. Большая часть интервью была проведена с официальными лицами (11) — представителями Администрации президента (3), Министерства иностранных дел (1), Министерства культуры (1), Министерства экономического развития (2), администрации Ленингорского района (2), Посольства России в РЮО (1), Федеральной таможенной службы России в РЮО (1). Вторую группу информантов составили представители научного сообщества (9) — из Юго-Осетинского государственного университета (8) и Юго-Осетинского НИИ (1). Третью группу информантов составили представители бизнеса (3) — руководители Торгово-промышленной палаты (2), один из топ-менеджеров винодельни

“Иронсан” (1). Наименее многочисленная группа информантов — представители СМИ (1) и гражданские активисты (2), включая одного представителя прогрузинских активистов (интервью проводилось в г. Ленингоре). Гайд интервью содержал как общие вопросы, касающиеся оценки социально-экономического положения РЮО, характера отношений с Россией и ее сопредельными регионами, Грузией и другими иностранными государствами, так и специфические — меняющиеся в зависимости от компетенций информанта. Интервью с экспертами способствовали лучшей интерпретации данных, полученных из перечисленных выше источников, позволили получить информацию о существующих трансграничных практиках местного населения и жителей сопредельных стран.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К (НЕ)ЗАВИСИМОСТИ

В составе Грузинской ССР Юго-Осетинская автономная область (ЮОАО) была наименее развитым регионом с индустриально-аграрной экономикой. К 1989 г. в ней проживало 2% населения союзной республики (95,8 тыс. чел.), а вклад в экономику составлял всего 1,1% ее ВВП, 0,8% промышленного и 0,7% сельскохозяйственного производства. Крупнейшие предприятия (“Электровибромашина”, “Эмальпровод”, механический и деревообрабатывающий заводы) участвовали в общесоюзном разделении труда, но большая часть сбыта осуществлялась через Грузию. Важную роль играл агропромышленный комплекс: производство вин, пива, консервов и др. (Заяц, 2004; Champain et al., 2004).

В 1980-е годы в условиях подъема национального движения во всех союзных республиках, относительная экономическая отсталость, трактуемая как часть политики дискриминации со стороны властей Грузинской ССР, была одним из ключевых аргументов в пользу суверенизации региона. К 1989 г. взаимные претензии все больше перемещались в плоскость межэтнических отношений и способствовали переходу конфликта в горячую фазу.

Используя схему Н. Касперсен, в развитии государственности и экономики РЮО можно выделить три последовательных фазы.

Первая фаза государственного строительства охватывает период с 1989 по 1994 г. Именно на этот период приходится “горячая фаза” конфликта, официально завершившаяся 24 июня 1992 г. подписанием Сочинских соглашений, в соответствии с которыми стороны обязались прекратить огонь и вывести свои вооруженные формирования из зоны соприкосновения. Согласно

³ <https://ugostat.ru/> (дата обращения 21.01.2022).

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Южная Осетия до 2030 г., утвержденная Постановлением Парламента Республики Южная Осетия 22.08.2013 г.

официальным материалам тех лет, военные действия привели к утрате значительной части жилого фонда, разрушению наиболее значимой транспортной инфраструктуры (в том числе железной дороги Тбилиси–Цхинвал), а также остановке практически всех промышленных предприятий региона (Анализ ..., 1992).

Возникший в результате конфликта поток беженцев из Южной Осетии и сопредельных районов Грузии оценивался в 130 тыс. чел. (Арутюнов и др., 1992), а численность населения сократилась более чем в два раза. Ключевым событием этой фазы развития стал референдум, состоявшийся 19 января 1992 г., на котором подавляющая часть местного населения проголосовала за независимость Республики Южная Осетия и ее последующее воссоединение с Россией. Тем не менее, к концу первой фазы так и не удалось установить полный контроль над оспариваемой территорией. До августа 2008 г. под контролем Грузии или прогрузинских сил оставалась большая часть Лениногорского района, а значительная часть Знаурского и Цхинвальского районов напоминала “лоскутное одеяло из грузинских и осетинских сел с полярной политической лояльностью” (Blakkisrud and Kolstø, 2012). Гуманитарная помощь из России, наряду с натуральным хозяйством, была важнейшим источником экономических благ для населения и формирующейся юго-осетинской государственности.

Начало *второй фазы* развития государственно-сти, по-видимому, приходится на 1993–1995 гг. По мнению А. Маркина, в этот период в РЮО сформировался своеобразный “режим военной демократии, в рамках которого определяющую роль играли полевые командиры, отличившиеся на этапе вооруженной борьбы и обладавшие значительными политическими и экономическими амбициями”⁵. Отсутствие явных преимуществ у одного из кланов и политика России, направленная на поддержание статус-кво, способствовали формированию политического плюрализма и сравнительно конкурентным выборам. Необходимость внутренней и внешней легитимации подстегивала местные элиты к активному институциональному строительству (формированию органов исполнительной и законодательной власти, введению института президентства и др.) и относительной централизации власти. Первоначально активное институциональное строительство не позволило сколько-нибудь заметно изменить социально-экономическое положение населения. Его главными источниками существования были личные подсобные хозяйства, работа в органах государственной власти, посредничество в

полулегальной торговле широким спектром товаров на границах с Грузией и Россией.

Основой экономики формирующегося юго-осетинского государства стал расположенный в пригороде Цхинвала рынок Эргнети – символ российско-грузинской неформальной трансграничной торговли (Champain et al., 2004; Gotsiridze, 2004). Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов Эргнетский рынок был одним из крупнейших на Южном Кавказе, а сама Южная Осетия представляла собой своего рода свободную экономическую зону. Из России в РЮО везли топливо, промышленные товары, водку, муку, а из Грузии – цитрусовые, яблоки, виноград, зелень, вина, спирт и сигареты. С одной стороны, многие российские и западные наблюдатели отмечали, что Эргнетский рынок выполнял мощную “мировую функцию”, способствуя неофициальным повседневным контактам бизнеса, юго-осетинских и грузинских властей, местного населения и др.⁶ С другой стороны, на этом же рынке осуществлялся сбыт угнанных автомобилей, шла торговля оружием и людьми. Попытка Грузии вернуть контроль над потоками товаров через границу вылилась в 2004 г. в ее конфликт с РЮО. Потеря доходов от трансграничной торговли, в свою очередь, снизила влияние целого ряда авторитетных полевых командиров (Д. Тадеева, Д. Санакоева, Д. Каркусова и др.), способствовала централизации власти в руках президента Э. Кокойты и росту влияния России⁷. Благодаря проведенной в 2001–2004 гг. Россией паспортизации местного населения, российские пенсии и социальные пособия стали значимой статьей доходов местного населения.

На *третьей фазе*, начавшейся в 2008 г. после военных действий с участием России и признания ей независимости республики, российская помощь Южной Осетии становится системной и масштабной. Так, с 2008 по 2011 г. в рамках Комплексного плана восстановления РЮО Россия выделила свыше 12 млрд руб. на восстановление наиболее значимых объектов ЖКХ, социальной и транспортной инфраструктуры. Еще около 7 млрд руб. выделили из федеральных средств на покрытие дефицита государственного бюджета РЮО. Около 10 млрд руб. потратил ПАО “Газпром” на строительство газопровода “Дзуарикау–Цхинвал”. За счет средств ПАО “ФСК” были модернизированы магистральные электросети (Ваагова, 2019). С 2011 г. главной формой помощи становятся совместно разрабатываемые и постоянно обновляемые инвестиционные программы содействия социально-экономическому развитию РЮО (табл. 1).

⁶ Рынок примирения // Вестник Кавказа. 28.11.2012. <https://vestikavkaza.ru/analytics/Rynok-primireniya.html>.

⁷ Маркин А. Эдуард Кокойты: командир и президент // Политком.ру. 2008. <http://politcom.ru/6729.html>.

⁵ Маркин А. Эдуард Кокойты: командир и президент // Политком.ру. 2008. <http://politcom.ru/6729.html>.

Таблица 1. Российская финансовая помощь бюджету РЮО в 2010–2020 гг.

Российская финансовая помощь	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Размер субсидии, млрд руб.	7.2	6.3	5.5	4.3	5.7	6.1	8.2	6.1	5.9	7.5	6.3
Доля субсидии в доходной части бюджета, %	98.7	93.5	84.2	89.9	91.8	88.3	90.1	84.7	78.6	84.2	82.1

Примечание: составлено по данным (Ваагоvá, 2019), с уточнениями по данным Управления госстатистики РЮО (Стат. ежегодник за 2020 г. Официальное изд. // УГС РЮО. Цхинвал: ИП О.С. Икаев, 2021. 181 с.).

К 2013–2014 гг. эти программы и инвестиционные ресурсы российских компаний позволили решить наиболее острые проблемы послевоенного восстановления и определили современное социально-экономическое положение республики.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ

Международная изоляция, разрыв трансграничных коммуникаций с материнским государством, экономическая и транспортная блокада существенно усложняют функционирование экономики и внешнюю торговлю непризнанных государств, ограничивают возможности их социально-экономического развития. За исключением Китайской республики (Тайвань), ни одному из существующих сегодня непризнанных и частично признанных государств не удалось добиться существенных успехов в экономическом развитии. Однако и в этом случае помощь государства-патрона играла решающую роль (Себенцов, Колосов, 2012).

Российская экономическая помощь способствовала заметному росту экономики республики: в 2015–2019 гг. ВВП РЮО увеличился почти на 40%. Тем не менее, по душевым показателям ВВП (по ППС) из близлежащих государств РЮО сопоставима только с Абхазией (ВВП, которой выше только на 20%), но намного уступает показателям соседней России (в 4–5 раз) и Грузии (в 2–3 раза). Велики различия и в сопоставлении с регионами соседних стран (рис. 1). Так, душевой ВРП ближайших северокавказских регионов России, которые также отличаются структурной слабостью экономики, больше ВВП РЮО в 1.5–2 раза (у Северной Осетии в 1.9 раза). Большинство грузинских краев опережают РЮО по этому показателю в среднем в 2 раза (пристоличный Мцхета-Мтианети — в 3 раза).

В структурном отношении экономика РЮО остается несбалансированной и слабой. В 2019 г. по данным официальной статистики на сферу услуг приходился почти 81% создаваемой валовой добавленной стоимости, при этом около 35% ВВП формировались в секторе государственного управления, а еще треть была связана с предоставлением социальных услуг — образования

(19.9%), здравоохранения (9.5%) и др. Во всех перечисленных отраслях государственного сектора сферы услуг работало не менее 65% занятого населения. На транспорт и связь приходилось еще 3.9% ВВП республики. Заметную роль в экономике играет строительство (7.8% ВВП), которое ведется преимущественно в рамках российской инвестпрограммы: именно в этом секторе самая высокая средняя зарплата — более 28 тыс. руб. (в среднем по стране — 19.6 тыс. руб.).

Несмотря на то, что последнее десятилетие в экономике РЮО проходило под знаменем реиндустриализации, на промышленность в 2019 г. приходилось только 7.3% ВВП. Первоначально наибольшие усилия были направлены на восстановление и модернизацию ведущих предприятий советского времени, таких как “Багийский наливочный завод” — лидера по производству минеральной воды и одного из немногих прибыльных предприятий республики. Восстановлена и часть производственной базы “Эмальпровода” и “Электровибромашины”, однако практически с самого начала их деятельность оказалась убыточной — не удалось наладить производственные связи как по сбыту, так и по поставкам сырья. Предприятия производили в основном непрофильную продукцию (металлоконструкции, профнастил и др.), оказывали услуги промышленного характера, но чаще и с большей для себя выгодой сдавали в аренду свободные помещения.

Основным направлением частных и частногосударственных инвестиций стала пищевая промышленность. Российские инвесторы построили винодельню “Иронсан”, которая производит вина и коньяки из местного сырья и виноматериалов, закупаемых в Европе и России. Кроме того, введен в строй наливочный завод “Натурплант”, производящий премиальную минеральную воду “Эдис”, которую планируется поставлять на экспорт. На консервации находится недавно построенный мясоперерабатывающий комбинат “Растдон”, владельцы которого столкнулись с нехваткой сырья и сложностью сбыта продукции на территорию России. Масштабные восстановительные работы способствовали развитию собственного производства строительных материалов (ГУП “Завод строительных изделий”, “Ирбазальт”).

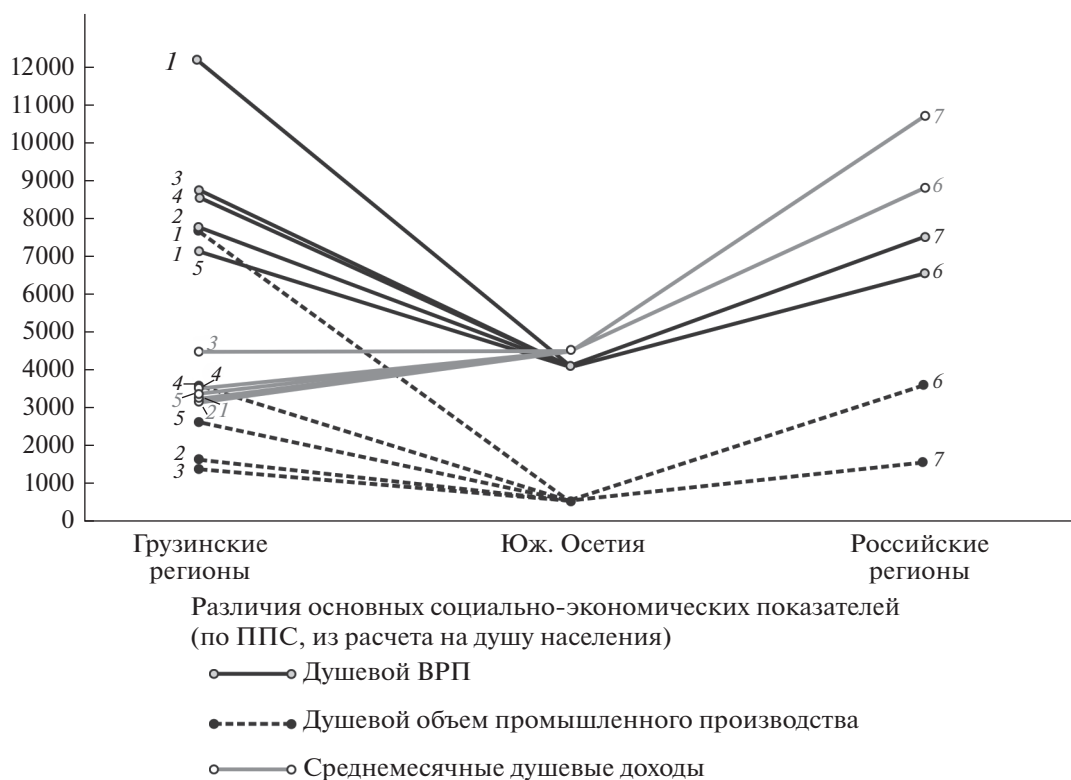

Рис. 1. Социально-экономические градиенты между Южной Осетией и соседними регионами России и Грузии, долл. США по ППС. Регионы Грузии: 1 — Мхета-Мтианети; 2 — Самегрело-Верхняя Сванетия; 3 — Рача-Лечхуми и Нижняя Сванетия; 4 — Имеретия; 5 — Шиди-Картли. Регионы России: 6 — Карачаево-Черкесская Республика; 7 — Республика Северная Осетия-Алания.

Примечание: составлено авторами по данным официальной статистики (National Statistics Office of Georgia. <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/93/regional-statistics>; Стат. ежегодник за 2020 г. Официальное изд. // УГС РЮО. Цхинвал: ИП О.С. Икаев, 2021. 181 С.; World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/?lang=EN>).

Самым успешным проектом реиндустриализации стало восстановление в 2013 г. швейного производства на Цхинвальской фабрике бельевого трикотажа (ныне БТК-4). Это предприятие производит различные виды спецодежды: армейской, строительной, а с 2020 г. и различные средства индивидуальной защиты против инфекций. Запуск этого сравнительно небольшого производства кардинальным образом сказался на отраслевой структуре промышленности (табл. 2). Так, если в 2013 г. около 60% промышленного производства давали отрасли пищевой промышленности, то уже к 2017 г. доля легкой промышленности выросла до 73.5%. Изменилась и структура юго-осетинского экспорта. Если в 2010 г. его основой были механические изделия и металлы (70.2%), а также сельскохозяйственная продукция (21.8%), то в последние годы около 90% приходится на продукцию легкой промышленности, то есть БТК-4.

Более сложная ситуация складывается в сельском хозяйстве, на которое приходится не более 0.4% ВВП. Объем сельскохозяйственного производства после бурного восстановительного роста

с 2017 г. устойчиво снижался даже без учета инфляции (в 2020 г. 81% к уровню 2017 г.). В структуре производства традиционно преобладает животноводство (около 80%). Практически весь скот и птица содержится в личных подсобных хозяйствах (свыше 93%), которые готовы производить на продажу ограниченное количество продукции. Несмотря на многочисленные программы поддержки фермерства, количество фермерских хозяйств в последние годы неуклонно снижается. Не принесли ощутимых результатов и попытки привлечь инвестиции в садоводство. Не удался и наиболее крупный проект — “Сады Ирыстона” (выращивание яблок). Аналогичная ситуация складывается в виноградарстве. По мнению представителей власти, главное препятствие для развития сельского хозяйства — сложности сбыта продукции на пищевые предприятия республики и в Россию. Представители же пищевой промышленности видят проблему в том, что фермеры не могут обеспечить нужный уровень качества и постоянство объемов производимой продукции.

Ограниченная экономическая самодостаточность, контактный характер российско-юго-осе-

Таблица 2. Отраслевая структура промышленности в РЮО, %

Отрасль	2013	2014	2015	2016	2017	2019
Машиностроение и металлообработка	13.0	6.5	3.2	2.0	0.4	0.2
Лесная и деревообрабатывающая промышленность	4.1	3.2	1.8	1.1	0.8	0.6
Мукомольно-комбикормовая и хлебопекарная промышленность	46.9	26.3	18.1	18.2	11.2	11.0
Другие отрасли пищевой промышленности	16.6	11.3	7.6	6.7	8.6	10.0
Производство строительных материалов	4.0	2.1	1.8	5.0	3.4	4.0
Полиграфическая промышленность	9.4	7.0	3.4	3.4	2.2	4.0
Легкая промышленность	5.9	43.6	64.1	63.6	73.5	73.0

Примечание: составлено авторами по данным Управления госстатистики РЮО (Стат. Ежегодник за 2015 г. Официальное изд. // УГС РЮО. Цхинвал: УГС РЮО, 2016. 188 с.; Стат. ежегодник за 2020 г. Официальное изд. // УГС РЮО. Цхинвал: ИП О.С. Икаев, 2021. 181 с.).

тинской границы, трансграничное расселение осетин, а также многочисленные родственные связи способствуют возникновению разнообразных **трансграничных практик**, снижающих социальную напряженность и экономическую “изолированность” РЮО. Соседние регионы России предоставляют возможности удовлетворения потребностей в широком спектре товаров и услуг (медицинских, образовательных и пр.), заработке и построения карьеры и пр. Процедура пересечения границы во многом формальна для жителей РЮО и не занимает обычно более 30–40 мин., для жителей российских регионов – 60 мин. Проезд через единственный МАПП “Нижний Зарамаг” осуществляется преимущественно на личном автотранспорте, реже – автобусе “Цхинвал–Владикавказ”.

Высокая трансграничная мобильность жителей Южной Осетии стала причиной появления феномена жизни “на два дома”. Многие жители РСО, прежние беженцы из РЮО, имеют вторые дома в Цхинвале. Обычно они используются в качестве дачи или для сдачи в аренду российским военным и таможенникам. Благодаря высокому спросу стоимость аренды квартир и домов сопоставима с ценами в региональных столицах Центральной России. В случае отъезда молодых людей на работу в Россию во “вторых домах” остаются престарелые родители. Кроме того, двойное гражданство с Россией позволяет местным жителям получать разного рода российские пособия и социальные выплаты. В Ленингорском районе, где компактно проживают этнические грузины, аналогичные трансграничные практики связаны с сопредельными районами Грузии.

Пандемия COVID-19 оказала сильное влияние на экономику РЮО. В апреле 2020 г. юго-осетинские власти закрыли границы с Россией, что привело к дефициту товаров повседневного спроса и значительному росту цен. В дальнейшем правительства двух стран утвердили список предпринимателей, которым разрешалось осуществлять

трансграничные перевозки. Отсутствие возможности поехать за покупками и услугами в Россию привело в 2020 г. к четырехкратному росту оборота оптовой и розничной торговли, а рост валовой добавленной стоимости внутренней торговли позволил компенсировать спад в других отраслях (доля торговли при этом увеличилась с 2.3 до 14.3% ВВП).

В условиях пандемии коронавируса, двукратного падения валовой добавленной стоимости в промышленном производстве и строительстве (на 3.5 и 2.3% соответственно) российская помощь была особенно важна для поддержания социальной стабильности. В 2019–2020 гг. на нее приходилось 81% доходной части бюджета РЮО (6.3 млрд из 7.6 млрд руб.) и 104.7% от ВВП страны. Еще около 4.5 млрд выделено РЮО на 2020–2022 гг. в рамках Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию РЮО.

Таким образом, экономика РЮО характеризуется тотальной зависимостью от России, ее прямой (субсидии, инвестиции и др.) и косвенной помощи (доступ к рынкам, финансовое и торговое посредничество). С Россией связаны и трансграничные практики местного населения, которые компенсируют малую емкость и узость местных рынков (труда, товаров и услуг и др.) и оказывают стабилизирующее влияние на социально-экономическое положение граждан. Неудивительно, что проблема экономической состоятельности – один из ключевых вопросов общественно-политической и экспертной дискуссии внутри самой РЮО.

ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

По мере эволюции государственности РЮО и удаления от поворотных событий 2008 г., дискурс “РЕС” заметно меняется: это проявляется как в

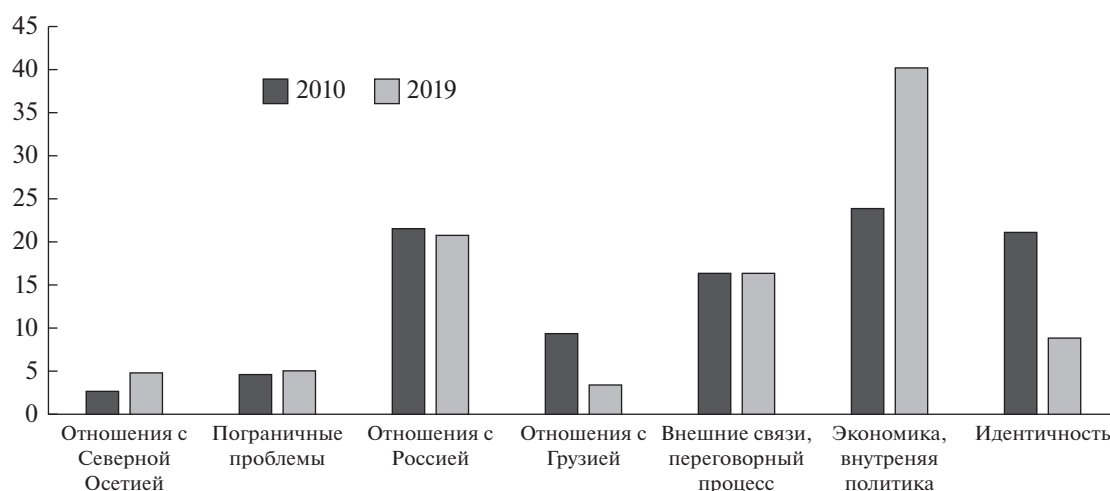

Рис. 2. Основные сюжеты медиадискурса общественно-политической тематики в 2010 и 2019 гг., % от общего числа статей.

используемой риторике, так и в тематике статей (рис. 2).

Около половины всех статей 2010 г. так или иначе связаны с проблемами “жесткой безопасности”. Эта тема широко обсуждается не только в статьях, посвященных пограничным проблемам, отношениям с Грузией или переговорному процессу, но также поднимается в публикациях, посвященных идентичности. Несмотря на гарантии безопасности, данные Россией, Грузия представляется как исторический враг юго-осетинского народа. Исторический характер противостояния с материнским государством, человеческие жертвы, понесенные в этой борьбе, позволяют местным властям обосновать особую идентичность южных осетин и оправданность независимости (Ноч, 2020). Многочисленные исследования, посвященные различным аспектам формирования идентичности в странах Центрально-Восточной Европы (Elias et al., 1986), СНГ (Вендина и др., 2014) и некоторых постсоветских непризнанных государств (Политика ..., 2020), показывают, что “виктимизация” собственной истории играет важную роль как для внутренней, так и для внешней легитимации новой политики и ее руководства. В РЮО виктимизация служит средством героизации действующих элит и позволяет объяснить сложности социально-экономического положения издержками недавней борьбы за независимость.

Однако еще в 2010 г. экономической тематике и связанным с ней вопросам внутренней политики было посвящено почти 25% всех публикаций. Почти 80% материалов этой рубрики касалось послевоенного восстановления республики: ремонта разрушенного и возведения нового жилья, строительства и ремонта школ и больниц и др. Основным источником средств для масштабных ре-

монтно-строительных работ — инвестиционная программа России, с которой и связывались надежды на скорое улучшение жизни. В дискурсе широко обсуждаются конкретные результаты Инвестпрограммы, возможности, которые она открывает, но в центре внимания оказываются также вопросы эффективного расходования денежных средств и коррупции.

С середины 2010 г. в фокусе общественного внимания — возможная “потеря суверенитета” в связи с тотальной экономической и политической зависимостью от России. Главным источником раздражения становится “десант” российских чиновников, которые были направлены в страну не только для контроля за расходованием средств и для реализации Инвестпрограммы, но также и работы в различных министерствах и ведомствах республики. Назначение на высшие должности российских граждан, доминирование русского языка на заседаниях Парламента и Правительства рассматриваются как элементы колониального управления, несущие угрозу национальной идентичности. Российских чиновников обвиняют в коррупции, но главное — в непонимании местных реалий и “настоящих приоритетов развития”, заключающихся в развитии местной культуры⁸. Тональность статей резко изменилась только после встречи руководства РЮО с премьер-министром России В. Путиным и конфликт быстро сошел на нет⁹.

⁸ См. например: Богом данное право оставаться самими собой // РЕС. 28.06.2010. <https://cominf.org/node/1166483651>; Юрий Дзицойты: Приглашенные специалисты должны соблюдать абсолютно все законы Южной Осетии // РЕС. 20.05.2010. <https://cominf.org/node/1166483325>.

Еще одной важной темой стало обсуждение Стратегии развития и ее экономических, инфраструктурных, социальных и институциональных целей. Участники дискуссии, представленные прежде всего местными бизнесменами и чиновниками, в числе основных приоритетов видели развитие сельского хозяйства, производство минеральной воды и туризм. При этом туризм, ввиду высокого туристского потенциала, характеризовался как “исключительно перспективное направление”, но требующее очень значительных государственных инвестиций¹⁰.

Стратегия, принятая спустя три года, учла эти приоритеты, которые, по мнению опрошенных экспертов, и сегодня остаются актуальными. Гораздо больше разногласий вызывает оценка возможных угроз, способных помешать достижению поставленных целей. В Стратегии в числе подобных угроз называется ухудшение демографической ситуации, моральный и физический износ основных фондов, критическое состояние инфраструктуры и недостаток квалифицированных кадров. Стратегия не рассматривает в качестве вызова недостаточную внешнюю легитимность и низкий уровень юридического признания, а географическое положение, наоборот, характеризует как благоприятное и “способствующее развитию межрегиональных связей”.

В этой части проявляется наибольшее расхождение Стратегии и медиа-дискурса, где “изолированность” территории Южной Осетии подается как одна из главных проблем развития государства. Конкретные проявления изолированности: сложности со сбытом продукции на российский рынок, недостаточная надежность единственной транспортной магистрали — Транскама (называемой “дорогой жизни”), проблемы энергоснабжения, ограниченные возможности финансовых транзакций и др. В Стратегии же эти проблемы не выглядят связанными между собой, и лишь для некоторых из них предложены возможные пути решения разной степени реализуемости. Так, для решения наиболее остро стоящих проблем транспортной изолированности предполагается строительство через Магский перевал железной дороги Алагир—Цхинвал, параллельной Транскаму, аэропорта и “сети вертодромов”. Именно с реализацией этих проектов, не включенных в соответствующие стратегические документы России, связываются возможности развития собственных производств.

⁹ Мадина Козаева: Россия играет в жизни Республики Южная Осетия очень важную и позитивную роль // РЕС. 07.06.2010. <https://cominf.org/node/11664834722>.

¹⁰ Минэкономразвития РЮО: “Фронт работ — огромный, но это и есть перспектива” // РЕС. 08.01.2010. <https://cominf.org/node/1166482133>.

Разного рода проектами изобилует и медиа-дискурс. На круглых столах, конференциях и экспертных встречах по вопросу реализации Стратегии представлялись проекты создания инновационных предприятий в сфере информационных технологий, электроники и электротехники¹¹. Предпринимались даже попытки реализации некоторых из них, которые, впрочем, остались безуспешными.

В 2019 г. по сравнению с 2010 г. медиа-дискурс заметно меняется — наблюдается его существенная “экономизация”. Грузия по-прежнему предстает в дегуманизованном образе врага, который в условиях российских гарантий безопасности становится источником прежде всего “мягких угроз”: нелегальных трансграничных практик, мелких пограничных инцидентов, болезней людей и сельскохозяйственных животных. На экономические и связанные с ними внутриполитические вопросы приходится почти 40% всех материалов. Все меньше внимания уделяется вопросам послевоенного восстановления, все больше — поиску путей и направлений экономического развития. Однако принципиально новых идей в этот период практически не появляется. В единой связке продолжается обсуждение вопросов экономического развития и государственной состоятельности республики, однако дискуссия уже не носит конфликтный оттенок. Наоборот, дискурс об экономической и политической независимости характеризуется своего рода двойственностью. С одной стороны, российская Инвестиционная программа рассматривается как главный фактор модернизации и укрепления юго-осетинской экономики и государственности. При этом экономическая самодостаточность подается как ключевой признак, отличающий настоящее суверенное государство¹². С другой стороны, в контексте экономических и политических отношений с Россией образ Южной Осетии часто “десуверенизирован”: во многих информационных сообщениях 2019 г. республика предстает в образе особого российского региона. Так, в прогнозах социально-экономических показателей РЮО ориентируется на соседнюю Республику Северная Осетия — Алания и другие регионы Северо-Кавказского федерального округа, а процесс делимитации и демаркации границы с Россией вызывает сожаление даже у президента Южной Осетии.

¹¹ См. например: Инновации как образ будущего Южной Осетии // РЕС. 11.05.2010. <https://cominf.org/node/1166483219>; В Южной Осетии планируют выпуск светодиодных систем освещения // РЕС. 05.06.2010. <https://cominf.org/node/1166483464>; В Цхинвале прошел Круглый стол “Инвестиционный потенциал Южной Осетии” // РЕС. 06.05.2010. <https://cominf.org/node/1166483165>.

¹² Анатолий Бибилов: “2018 год ознаменовался для нашей республики достижениями в различных сферах” // РЕС. 27.03.2019. <https://cominf.org/node/1166521713>.

тии, который надеется, что она когда-нибудь “все-таки станет административной”¹³.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЛАЗАМИ МЕСТНЫХ ЭКСПЕРТОВ

К 2020 г. корректировка всего спектра стратегических документов республики уже стояла в политической повестке дня, однако сложная эпидемиологическая обстановка так и не позволила продвинуться в решении этого вопроса. В том числе и поэтому обсуждение перспектив социально-экономического развития РЮО занимало центральное место в наших экспертных интервью. По мнению экспертов, реальное социально-экономическое положение Южной Осетии в действительности является гораздо более сложным, чем это представляют в официальных стратегических документах и медиа-дискурсе.

Большинство информантов отмечали, что стратегические планы развития не в полной мере учитывают небольшую численность населения (официально в Южной Осетии проживает 50 тыс. чел., однако по экспертным оценкам она значительно меньше — 35–45 тыс.), которая сама по себе ограничивает возможности для экономического развития. Действительно, современные исследования малых стран и карликовых государств, обладающих суверенитетом, убедительно доказывают, что экономическая жизнеспособность таких государств чрезвычайно ограничена и возможна только благодаря экономическому и военно-политическому сотрудничеству с крупными государствами (Sharman, 2017), которое часто принимает форму клиент-патронских отношений (Veenendaal, 2017).

Интервью показали, что хотя кадровая проблема в условиях высокой безработицы не рассматривается местными властями как серьезный вызов для экономического развития, представители бизнеса отмечают нехватку кадров. Соседние российские регионы выступают слишком сильным конкурентом для местного рынка труда (Новые ..., 2012). Более высокие зарплаты, различные социальные гарантии, а в перспективе и более высокая пенсия способствуют отъезду жителей трудоспособного возраста на заработки или постоянное место жительства в Россию. “Поствоенный синдром” также стал специфической проблемой для остающегося трудоспособного населения: не только герои войны за независимость, но даже и совсем молодые люди до сих пор считают непристязным наемный труд.

“Для местных жителей работа на частное лицо не в почете. Война закончилась, однако люди по-

прежнему хотят прежде всего служить в вооруженных силах, особенно в российских, где выше зарплата. На худой конец люди готовы идти работать в полицию или в государственные органы. Люди разучились работать. Мои затраты на рабочую силу, как ни странно, выше, чем в Краснодарском крае России” (октябрь 2020 г., управляющий частным предприятием российского происхождения).

Местные эксперты также полагают, что маленькая емкость внутреннего рынка остается одним из ключевых препятствий для развития экономики. Высокие цены и бедный товарный ассортимент вынуждают население переносить часть своего потребления на территорию России. Российские военные и пограничники лишь отчасти компенсируют выпадающий спрос со стороны местного населения, поскольку большая часть поставок необходимой для них продукции также поставляется напрямую из России. Тем не менее военные и их семьи создают дополнительный спрос на товары повседневного пользования, арендное жилье и др. Однако этот платежеспособный спрос становится одной из причин возникновения заметных перекосов в экономическом развитии и приводит к повышению цен на жилье и продукты питания.

Не оправдались надежды и на внешний спрос, который и сегодня видится единственным драйвером экономического развития в условиях низкой емкости внутреннего потребительского рынка. По мере углубления евразийской интеграции и запуска в 2015 г. ЕАЭС условия торгово-экономической деятельности с Россией значительно ухудшились (Egorova and Babin, 2015). По мнению представителей бизнеса и торгово-промышленной палаты РЮО, для малого и среднего бизнеса выход на единственно доступный российский рынок становился с каждым годом все более трудновыполнимой задачей. Этому способствовали строгие правила оформления грузов, перемещаемых через границу (фактически границу ЕАЭС), непризнанный статус РЮО другими участниками интеграционного объединения, а также неготовность предпринимательского сообщества Южной Осетии к применению норм таможенного кодекса ЕАЭС (в первую очередь, сертификации товаров, оформления деклараций на все товарные позиции).

“Для рядового юго-осетинского предпринимателя выход на российский рынок практически невозможен: у него нет опыта оформления многочисленных документов, да и партии товаров очень малы. Выходом могло бы стать увеличение размера беспошлинного ввоза продукции в Россию и из России, но это, видимо, требует согласования с другими участниками ЕАЭС. Замкнутый круг!” (член правления торгово-промышленной палаты РЮО).

¹³ Бибилов высоко оценил работу Комиссии по делимитации и демаркации границы // РЕС. 16.05.2019. <https://com-inf.org/node/1166522651>.

Непредвиденные сложности часто возникают и при ввозе продукции из России. Так, доставка высокотехнологичного оборудования, необходимого для диагностики и лечения COVID-19 (томографы, тест-системы, компьютеры и пр.), в 2020 г. затруднялась отсутствием разрешений иностранных производителей на их реэкспорт из России. Все это, по словам одного из экспертов, “требовало сложных политических решений, принимаемых властями двух стран в ручном режиме”.

Остались нерешенными вопросы о финансовых взаиморасчетах между контрагентами во внутренней и внешней экономической деятельности, о развитии кредитования и инвестиционной деятельности. Признание Южной Осетии Россией позволило частично решить проблему внешних и внутренних расчетов. Специально созданный для этих целей Международный расчетный банк имеет офисы не только в столице Южной Осетии, но и в России. В 2016–2017 гг. эта организация открыла свои представительства также на территории не признанных на тот момент Донецкой и Луганской народных республик. Официальное признание этих политий юго-осетинскими властями позволило населению и предпринятиям народных республик получить доступ к расчетно-кассовому обслуживанию и вести бизнес с контрагентами на территории России. В свою очередь, юго-осетинские элиты получили возможность извлекать дополнительную выгоду, выступая посредниками при поставках сырья из России в ДНР на металлургические предприятия, автомобильные заправки и др.

Тем не менее, подобные схемы не способствовали привлечению инвестиций в экономику РЮО и развитию внутреннего кредитования. Частично эту лакуну позволило заполнить специально созданное в 2014 г. ООО “Инвестиционное агентство”, реализовывавшее на территории РЮО: 1) проекты льготного кредитования на десятилетний срок по десять процентов годовых (программа “10-10-10”); 2) программу компенсации части понесенных затрат на закупку бизнесом техники российского производства; 3) программу бесплатного инфраструктурного обустройства территории для нужд инвесторов. В результате деятельности агентства открылось шесть предприятий, из них только три (производство минеральной воды “Эдис”, ресторан “Vincenzo” и торговый центр в центре Цхинвала) продолжают свою работу. Остальные закрыты из-за проблем с поставками сырья (мясокомбинат “Растдон”) или трудностей со сбытом собственной продукции (завод “Базальтовое волокно”, ферма “Сады Ирыстон”).

Небольшая часть информантов отметила, что большой проблемой остается барьерный характер

государственной границы с Грузией (84% от общей протяженности государственной границы РЮО), отношения с которой враждебные и сведены к минимуму. Последний пограничный конфликт в районе села Уиста в августе 2019 г. стал поводом для закрытия государственной границы. Ситуация усугубилась с введением карантинных мер во время эпидемии коронавируса в 2020 г. Это стало настоящим вызовом для местного грузинского населения, которое после войны 2008 г. оставалось включенным в экономическую жизнь Грузии почти так же сильно, как юго-осетинское население в жизнь соседней России. Перепродажа дешевой и качественной продовольственной продукции и товаров повседневного спроса до 2019 г. была одной из основ трансграничного бизнеса многих местных грузин, а рестораны Ленингора пользовались популярностью даже у жителей Цхинвала. Пенсии, пособия и зарплаты, получаемые от властей Грузии, были и остаются значимым источником дохода для местных жителей.

“Наши учителя и врачи, работавшие в местных учреждениях до 2008 г., продолжают и сегодня получать зарплату одновременно от грузинских и от юго-осетинских властей. Грузинская зарплата приходит на карточки, и сейчас люди потеряли возможность снимать эти деньги. Такая же ситуация у нас с пенсиями и различными пособиями. Трудно, когда граница закрыта” (женщина, около 50 лет, Ленингор, октябрь 2020 г.).

В попытке адаптироваться местные жители придумали собственную систему наличных и безналичных расчетов, схематично изображенную на рис. 3. В первом случае (см. рис. 3а) покупатель из семьи А просит по телефону своего родственника в Грузии передать деньги родственникам продавца из семьи Б. При подтверждении передачи средств продавец из семьи Б передает покупателю товар. Такая схема используется для продажи товаров повседневного спроса. Во втором случае (см. рис. 3б), когда цель — покупка более дорогого товара, часто применяется более сложная схема. Покупатель из семьи А просит своего родственника 1, проживающего в Грузии, совершить денежный перевод своему родственнику 2, проживающему (работающему или учащемуся) в России и посещающему время от времени РЮО. Родственник 2 привозит деньги покупателю, и тот передает их продавцу из семьи Б.

Однако не только грузинское население надеется на смягчение пограничного режима с Грузией. Некоторые юго-осетинские эксперты также желают установления более тесных связей, но только при условии сохранения политического status quo.

“Эргнетский рынок в конце 1990-х — начале 2000-х был одним из крупнейших рынков Закавказья. Там можно было купить все и продать все. Многие сде-

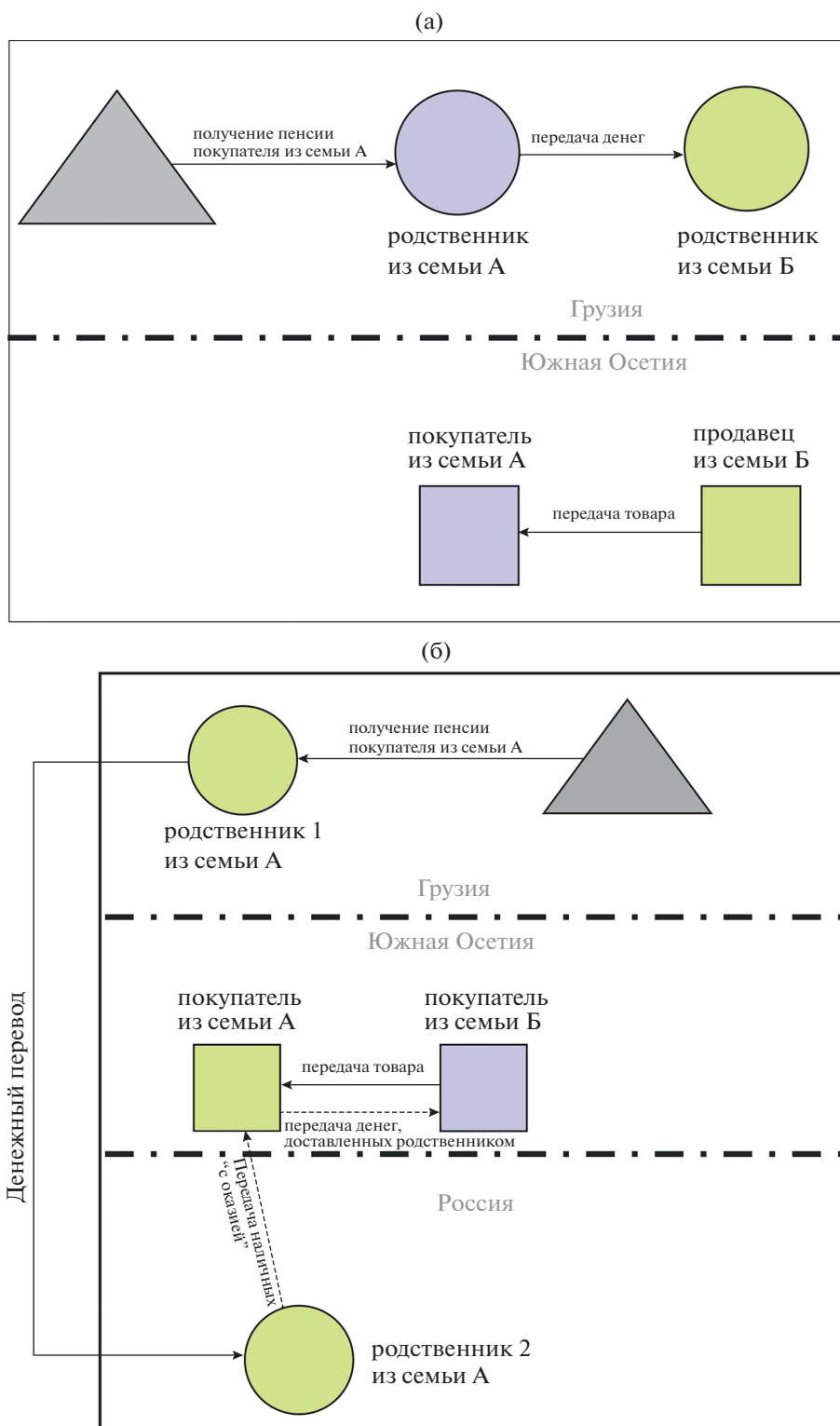

Рис. 3. Трансграничные системы расчетов между покупателями и продавцами Ленингорского района с участием родственников на территории Грузии и России: (а) покупка товаров повседневного спроса; (б) покупка товаров долговременного пользования.

Примечание: составлено авторами со слов информантов.

ляли на этом огромные состояния, но многие и запутались, погрязли в коррупции, как Санакоев¹⁴, который предал нас. Такая торговля — это большая возможность, но это и большие риски для независимости. Сейчас это невозможно по политическим соображениям” (бывший сотрудник президентской администрации, октябрь 2020).

Более низкие цены в Грузии на большинство потребительских и промышленных товаров, более простая логистика их доставки, возможность пользоваться выгодами транзитного положения между Россией и Грузией выглядят привлекательной возможностью для развития собственной экономики. Однако большинство информантов полагает, что этой возможностью следует пожертвовать до тех пор, пока Грузия не признает независимость республики.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно концепции Н. Касперсен, обретение жизнеспособности непризнанными государствами — длительный процесс, полный противоречий между различными аспектами внутреннего и внешнего суверенитета. Экономика — одна из основ жизнеспособности этих образований. При этом ее значение меняется на каждом из этапов эволюции их государственности. На первом этапе (в случае РЮО — 1989—1994 гг.) экономика — ключевой ресурс для выживания и вооруженной борьбы с материнским государством. На втором этапе (1994—2008) — материальная база государственного строительства (институционализации непризнанного государства) и послевоенного восстановления. На третьем этапе (после 2008 г.) — один из ключевых “источников” внутренней и внешней легитимности национальных элит, позволяющий “новому государству” создавать и распределять общественные блага.

Масштабная помощь России позволила РЮО, несмотря на полное разрушение хозяйства во время горячих фаз конфликта, пройти все эти этапы удивительно быстро. Однако в результате сформировалась структурно слабая гиперсервисная экономика, ключевые отрасли которой зависят от государственного спроса и инвестиций. Они в свою очередь определяются размером прямой финансовой поддержки со стороны России (субсидий в бюджет, инвестиций на восстановление и др.). Поэтому РЮО хоть и опережает своих сосе-

дей по душевым доходам, но заметно отстает от них по душевым объемам ВВП, промышленного и сельскохозяйственного производства. Вместе с тем такая высокая зависимость от государства-патрона делает РЮО не исключительным феноменом, а достаточно типичным случаем в ряду других непризнанных государств.

Анализ дискурса СМИ и официальных документов РЮО показал устойчивую связь между восприятием роли экономики, степенью секьюритизации экономической повестки и уровнем развития государственности. Эта связь проявляется в снижении интереса к проблемам “жесткой” безопасности, вопросам послевоенного восстановления, и росте внимания к вызовам “мягкой безопасности” — экономической несостоятельности, проблемам и перспективам социально-экономического развития. Подтвердилось предположение о том, что на поздних стадиях развития государственности именно экономическая состоятельность оказывается ключевым аргументом для репрезентации НГ в качестве суверенного государства. Исследование показало, что этот образ складывается противоречиво. С одной стороны, развитая экономика провозглашается одним из ключевых атрибутов “нормального” государства, с другой — образ Южной Осетии “десуверенизирован” ее репрезентацией в качестве особого российского региона, зависимого от федеральных ассигнований и ориентированного на внутрироссийские социально-экономические цели и задачи развития. Интервью с экспертами также подтвердили, что в ряду других доводов в пользу вхождения в состав России экономическая несостоятельность РЮО — важнейший. Этот аргумент разделяют даже немногочисленные сторонники “реального” юго-осетинского суверенитета.

В медиа-дискурсе и стратегических документах игнорируется целый ряд особенностей, ограничивающих возможности социально-экономического развития республики. Как и многие другие непризнанные государства, РЮО отличается малочисленным населением, сложным транспортно-географическим и геополитическим положением. Эффекты малой страны здесь причудливым образом сочетаются с частично признанным статусом, ограничивая возможности для развития транспортных, торговых и финансовых связей. Пандемия COVID-19 (и связанное с этим временное закрытие границ РЮО) продемонстрировала уязвимость экономики РЮО, а также важную роль трансграничных практик местного населения (торговля, поездки и др.), которые, наряду с прямой и косвенной помощью России выступают важным фактором, позволяющим стабилизировать социально-экономическую ситуацию в республике.

¹⁴Д.И. Санакоев — первоначально юго-осетинский политический деятель, премьер-министр РЮО в июне—декабре 2001 г. С мая 2007 г. — глава временной административно-территориальной единицы, созданной по распоряжению президента Грузии М. Саакашвили. По версии нашего информанта, причиной “предательства” стал шантаж со стороны грузинских спецслужб по поводу нелегальных трансграничных торговых операций.

Случай РЮО подтверждает нашу гипотезу о том, что непризнанный (частично признанный) статус — это препятствие не само по себе, а прежде всего ограничение доступа на рынки и затрудненность финансовых и торговых транзакций. Трудности, создаваемые непризнанным статусом, вполне могут быть нивелированы государством-патроном и его союзниками. Однако евразийская интеграция стала скорее источником проблем для Южной Осетии, создав труднопреодолимые для местного бизнеса препятствия в торговле с Россией — единственной страной ЕАЭС, признающей РЮО в качестве суверенного государства.

Часть опрошенных нами экспертов полагают, что нормальные отношений с Грузией теоретически могли бы помочь достичь РЮО приемлемого уровня экономической состоятельности через получение возможности для сбыта собственной продукции и обслуживания транзитных потоков в Россию и другие страны региона. Однако такое развитие событий по-прежнему настороженно воспринимается не только политиками, но и большей частью осетинского общества, которая видит в этом угрозу суверенитету республики.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда “Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России” № 19-17-00232. Трансграничные контрасты и градиенты были проанализированы в рамках Государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят В.А. Колосова за ценные замечания и предложения, которые помогли значительно улучшить текст данной статьи, а также студентку МПГУ Н. Бирюкову за помощь в сборе первичной информации.

FUNDING

The study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project no. 19-17-00232 “Post-Soviet Non-Recognized States: Factors of Viability and Risks for Russia.” Cross-border contrasts and gradients were analyzed within the framework of the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS (no. АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)).

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors are grateful to V.A. Kolosov for valuable comments and suggestions that significantly helped to improve the article text, as well as a student of Moscow State

Pedagogical University N. Biryukova for collecting primary information.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ обстановки в зоне грузино-осетинского конфликта. Прогноз развития событий в Южной Осетии. 1992. Министерство обороны, 1992.
- Арутюнов М.Г., Линькова В.В., Шейнис В.Л. Докл. записка народных депутатов Российской Федерации Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину № 7-16/43-2052 от 02.09.1992. Министерство обороны, 1992.
- Вендина О.И. и др. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.
- Голунов С.В., Зотова М.В. Въездной туризм в постсоветских де-факто государствах // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. № 5. С. 699–713.
- Заяц Д.В. Республика Южная Осетия // География. 2004. № 28. <https://geo.lsept.ru/article.php?ID=200402803>
- Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 26–39.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 23–51.
- Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестн. РГГУ. 2018. № 1 (11). С. 24–40.
- Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. М.: Институт экономики РАН, 2012. 60 с.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
- Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
- Baarová B. South Ossetia Alania 10 Years since Gaining Partial International Recognition // Politické vedy. 2019. Vol. 22 (2). P. 159–188.
- Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // Southeast Europe and Black Sea Stud. 2012. Vol. 12 (2). P. 281–298.
- Broers L. Recognizing politics in unrecognized states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus // Caucasus Survey. 2013. Vol. 1 (1). P. 59–74.

- Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. Introduction: The unrecognized politics of de facto states in the post-Soviet space // *Caucasus Survey*. 2015. Vol. 3 (3). P. 187–194.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publ., 1998. 239 p.
- Caspersen N. *Unrecognized States. The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. UK: Polity, 2012. 224 p.
- Champain P. et al. From War Economies to Peace Economies in the South Caucasus // *International Alert*. 2004. 244 p.
- Egorova E., Babin I. Eurasian Economic Union and the difficulties of integration: The case of South Ossetia and Abkhazia // *Connections*. 2015. Vol. 14 (2). P. 87–98.
- Elias R. et al. The politics of victimization: Victims, victimology, and human rights // N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986. 395 p.
- Gotsiridze R. Georgia: conflict regions and the economy // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. Vol. 1 (25). P. 144–152.
- Hoch T. Independence or Unification with a Patron State? Not Such Dichotomous Ideas as One Would Think: Evidence from South Ossetia // *Stud. of Transition States and Societies*. 2020. Vol. 12 (1). P. 68–89.
- Kolstø P., Blakkisrud H. Living with non-recognition: State- and nation-building in South Caucasian quasi-states // *Europe-Asia Stud.* 2008. Vol. 60 (3). P. 483–509.
- Kolstø P., Blakkisrud H. Separatism is the mother of terrorism In *Unrecognized states in the international system* / N. Caspersen, G. Stansfield (Eds.). UK: Routledge, 2010. 272 p.
- Kupchan C. Independence for Kosovo // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84 (6). P. 152–160.
- Lamb R. *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas* Washington DC, 2008. 62 p.
- Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts // *Int. Affairs*. 2002. Vol. 78 (4). P. 831–848.
- O'Loughlin J., Kolosov V. Building identities in post-Soviet 'de facto states': Cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia // *Euras. Geogr. and Econ.* 2017. Vol. 58 (6). P. 691–715.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: A comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorno Karabakh, South Ossetia and Transnistria // *Euras. Geogr. and Econ.* 2014. Vol. 55 (5). P. 423–456.
- Pegg S. *Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects* / *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.516>
- Popescu N. et al. Outsourcing 'de facto' statehood: Russia and the secessionist entities in Georgia and Moldova // *CEPS Policy Briefs*. 2006. Vol. 1 (12). P. 1–8.
- Rabasa A. et al. *Ungoverned territories: Understanding and reducing terrorism risks*. Rand Corporation, 2007. 396 p.
- Sharman J.C. Sovereignty at the Extremes: Micro-States in World Politics // *Political Stud.* 2017. Vol. 65 (3). P. 559–575.
- Umland A. In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine. New approaches to research and security in Eurasia (PONARS Eurasia), 2014. <https://tinyurl.com/sjwv9sfe>
- Veenendaal W. Analyzing the Foreign Policy of Microstates: The Relevance of the International Patron-Client Model // *Foreign Policy Analysis*. 2017. Vol. 13 (3). P. 561–577.
- Yemelianova G.M. Western academic discourse on the post-Soviet de facto state phenomenon // *Caucasus Survey*. 2015. Vol. 3 (3). P. 219–238.

Economic Development as a Challenge for “De Facto States”: Post-Conflict Dynamics and Vision of Prospects in South Ossetia

A. B. Sebentsov¹*, M. S. Karpenko¹, A. A. Gritsenko¹, and N. L. Turov¹

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: asebentsov@igras.ru

The importance of economic factors in the emergence and existence of “de facto states” remains insufficiently studied and debatable. The article examines the case of the Republic of South Ossetia (RSO), one of the six unrecognized republics that emerged in the post-Soviet space. Based on the study of statistical data, secondary sources, and expert interviews with representatives of local authorities, business and the academic community, the authors analyze the structural shifts and the state of the economy of the RSO, views on the prospects of development in the context of state-building. It is shown that as a result of large-scale economic assistance from Russia, a structurally weak hyper-service economy has been formed, the key sectors of which depend on government demand and Russian investments. Limited economic self-sufficiency, trans-border settlement of Ossetians and Georgians, as well as numerous family ties contribute to the emergence of various cross-border practices (shuttle trade, smuggling, peculiar settlement systems) that reduce social tension. The case of the RSO confirms that the unrecognized status is not in itself a challenge for economic development. However, the lack of external legitimacy restricts access to markets, creates barriers for financial and trade transactions. As a result, Eurasian integration has become rather a source of problems for the RSO, creating obstacles that are difficult for local businesses to overcome in trade with Russia, the only EAEU country that recognizes the RSO as a sovereign state. As a result, RSO economic problems serve as a key argument for supporting the idea of the republic's accession to Russia.

Keywords: de facto states, South Ossetia, unrecognized states, separatism, secession, state building, economic development

REFERENCES

- Analysis of the situation in the zone of the Georgian-Ossetian conflict. Forecast of developments in South Ossetia. Ministry of defense, 1992. (In Russ.).
- Arutyunov M.G., Lin'kova V.V., Sheinis V.L. Memorandum of People's Deputies of the Russian Federation to the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin No. 7-16 / 43-2052 dated 09/02/1992. Ministry of Defense, 1992. (In Russ.).
- Baarová B. South Ossetia Alania 10 years since gaining partial international recognition. *Politické Vedy*, 2019, vol. 22 (2), pp. 159–188.
- Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty. *Southeast Eur. and Black Sea Stud.*, 2012, vol. 12 (2), pp. 281–298.
- Broers L. Recognizing politics in unrecognized states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus. *Caucasus Survey*, 2013, vol. 1 (1), pp. 59–74.
- Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. Introduction: The unrecognized politics of de facto states in the post-Soviet space. *Caucasus Survey*, 2015, vol. 3 (3), pp. 187–194.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J. *Security: A New Framework For Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publ., 1998. 239 p.
- Caspersen N. *Unrecognized States. The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. UK: Polity, 2012. 224 p.
- From War Economies to Peace Economies in the South Caucasus*. Champain P. et al., Eds. Int. Alert, 2004. 244 p.
- Egorova E., Babin I. Eurasian Economic Union and the difficulties of integration: The case of South Ossetia and Abkhazia. *Connections*, 2015, vol. 14 (2), pp. 87–98.
- Elias R. et al. *The Politics of Victimization: Victims, Victimology, and Human Rights*. New York: Oxford Univ. Press, 1986. 395 p.
- Golunov S.V., Zotova M.V. Inbound tourism in the post-Soviet de facto states. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, no. 5, pp. 699–713. (In Russ.).
- Gotsiridze R. Georgia: conflict regions and the economy. *Central Asia and the Caucasus*, 2004, vol. 1 (25), pp. 144–152.
- Hoch T. Independence or unification with a patron state? Not such dichotomous ideas as one would think: Evidence from South Ossetia. *Stud. of Trans. States and Soc.*, 2020, vol. 12 (1), pp. 68–89.
- Il'in M.V., Meleshkina Ye.Yu., Mel'vil' A.Yu. Formation of new states: external and internal factors of consolidation. *Polis. Polit. Issled.*, 2010, no. 3, pp. 26–39. (In Russ.).
- Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. Uncontrolled territories in the modern world: theory, genesis, types, dynamics. *Kontury Global'nykh Transformatsii: Politika, Ekonomika, Pravo*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 23–51. (In Russ.).
- Kolstø P., Blakkisrud H. Living with non-recognition: State and nation-building in South Caucasian quasi-states. *Europe-Asia Stud.*, 2008, vol. 60 (3), pp. 483–509.
- Kolstø P., Blakkisrud H. Separatism is the mother of terrorism. In *Unrecognized States in the International System*. Caspersen N., Stansfield G., Eds. UK: Routledge, 2010. 272 p.
- Kupchan C. Independence for Kosovo. *Foreign Affairs*, 2005, vol. 84 (6), pp. 152–160.
- Lamb R. *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas*. Washington DC, 2008.
- Lynch D. Separatist states and post-Soviet conflicts. *Int. Affairs*, 2002, vol. 4, pp. 831–848.
- Markedonov S.M. De facto states: a political phenomenon of the post-Soviet space. *Vestn. RGGU*, 2018, no. 1 (11), pp. 24–40. (In Russ.).
- Vardomskii L. *Novye nezavisimye gosudarstva: sravnitel'nye itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [New Independent States: Comparative Results of Social and Economic Development]. Moscow: Inst. Ekon. RAN, 2012. 60 p.
- O'Loughlin J., Kolosov V. Building identities in post-Soviet 'de facto states': Cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdnistria, and Abkhazia. *Eur. Geogr. Econ.*, 2017, vol. 58 (6), pp. 691–715.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: A comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia and Transnistria. *Eur. Geogr. Econom.*, 2014, vol. 55 (5), pp. 423–456.
- Pegg S. Twenty years of de facto state studies: progress, problems, and prospects. In *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.516>
- Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Anikin D.A. et al., Eds. St. Petersburg: Evrop. Univ., 2020. 632 p.
- Popescu N. et al. Outsourcing 'de facto statehood: Russia and the secessionist entities in Georgia and Moldova. *CEPS Policy Briefs*, 2006, vol. 1 (12), pp. 1–8.
- Popov F.A. Fragmentation of the political space of the world: basic forms and modern trends. *Reg. Issled.*, 2015, no. 2, pp. 64–73. (In Russ.).
- Rabasa A. et al. *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*. Rand Corporation, 2007. 396 p.
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A. The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world. *Polis. Polit. Issled.*, 2012, no. 2, pp. 31–46. (In Russ.).
- Sharman J.C. Sovereignty at the Extremes: Micro-States in World Politics. *Polit. Stud.*, 2017, vol. 65 (3), pp. 559–575.
- Umland A. *In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine*. New Approaches to Research and Security in Eurasia (PONARS Eurasia), 2014. <https://tinyurl.com/sjwv9sfe>

- Veenendaal W. Analyzing the foreign policy of microstates: the relevance of the international patron-client model. *Foreign Policy Anal.*, 2017, vol. 13 (3), pp. 561–577.
- Vendina O.I. et al. Ukraine in a political crisis: the image of Russia as a catalyst for contradictions. *Polis. Polit. Issled.*, 2014, no. 5, pp. 50–67. (In Russ.).
- Yemelianova G.M. Western academic discourse on the post-Soviet de facto state phenomenon. *Caucasus Survey*, 2015, vol. 3 (3), pp. 219–238.
- Zayats D.V. Republic of South Ossetia. *Geografiya*, 2004, no. 28. (In Russ.).
<https://geo.isept.ru/article.php?ID=200402803>
- Zayats D.V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geogr. Sreda i Zhivye Sist.*, 2020, no. 1, pp. 53–69. (In Russ.).